Автор: Хомидов Шухрат Гафуржонович
Учёная степень: магистр
Место работы: Правоохранительная академия Республики Узбекистан
Должность: преподаватель кафедры противодействия экономическим преступлениям и легализации преступных доходов
ORCID: 0009-0000-1387-029X

ВОПРОСЫ СНИЖЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что коррупционные преступления создают не только прямой имущественный ущерб, но и вторичные экономические потери в виде искажения конкуренции, роста транзакционных издержек, снижения эффективности государственных расходов и недополученных доходов. Цель статьи – разработать прикладной подход к измерению и снижению экономических последствий коррупционных преступлений на основе риск-ориентированного контроля, цифровой аналитики, предупреждения конфликта интересов и усиления возврата активов. Методология включает нормативно-правовой и сравнительно-институциональный анализ, систематизацию научной литературы и анализ открытых административных данных Республики Узбекистан. В результате предложены паспорт экономического ущерба по коррупционным делам, коэффициент чистого экономического эффекта антикоррупционного контроля и комплекс мер, связывающий профилактику, выявление, возмещение ущерба и оценку результативности.

Ключевые слова: коррупция, экономический ущерб, государственные расходы, комплаенс-контроль, конфликт интересов, цифровизация, возврат активов.

Author: Shukhrat Gafurjonovich Khomidov
Academic degree: master of science
Affiliation: Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan
Position: Lecturer, Department for Combating Economic Crimes and Money Laundering
ORCID: 0009-0000-1387-029X

ISSUES OF REDUCING THE ECONOMIC CONSEQUENCES OF CORRUPTION-RELATED CRIMES

Abstract. The relevance of the study stems from the fact that corruption-related crimes generate not only direct property losses but also secondary economic costs, including distorted competition, higher transaction costs, reduced efficiency of public spending and foregone revenues. The article aims to develop an applied framework for measuring and reducing the economic consequences of corruption-related crimes through risk-based control, digital analytics, conflict-of-interest prevention and stronger asset recovery. The methodology combines legal and comparative institutional analysis, a review of academic literature and analysis of open administrative data from Uzbekistan. The study proposes an economic-damage passport for corruption cases, a net economic-effect coefficient for anti-corruption control, and an integrated set of measures linking prevention, detection, compensation and performance assessment.

Keywords: corruption, economic damage, public expenditure, compliance control, conflict of interest, digitalization, asset recovery.

ВВЕДЕНИЕ

Коррупционные преступления относятся к числу правонарушений, экономический эффект которых значительно шире размера взятки, стоимости присвоенного имущества или суммы завышения цены отдельного государственного контракта. Их последствия проявляются одновременно в бюджетной, инвестиционной, конкурентной и социальной сферах. Коррупционная рента перераспределяет ресурсы в пользу участников неправомерной сделки, тогда как общество несет прямой ущерб, издержки последующего восстановления, потери от неэффективного распределения ресурсов и снижение качества публичных услуг. В классической экономической литературе коррупция связывается с ухудшением инвестиционного климата и экономического роста, а современные обзоры подчеркивают институциональную неоднородность ее форм и каналов воздействия [8–10]. Современный обзор Olken и Pande специально рассматривает как масштабы коррупции, так и ее последствия для эффективности и реакцию на различные меры контроля.

Для Республики Узбекистан вопрос приобретает особое значение в условиях расширения цифрового государственного управления, модернизации публичных закупок и формирования специализированных механизмов комплаенс-контроля. Закон Республики Узбекистан «О противодействии коррупции» закрепляет институциональную систему противодействия коррупции и предусматривает системный анализ коррупционной ситуации, выявление сфер повышенного риска, причин и условий совершения коррупционных правонарушений [1]. Закон «О государственных закупках» прямо устанавливает приоритет мер по

предупреждению коррупции, требования открытости, добросовестной конкуренции и внутреннего контроля [2]. С 6 декабря 2024 г. действует Закон «О конфликте интересов», предусматривающий раскрытие и урегулирование конфликтов интересов, специальные подразделения и контроль за полным возмещением ущерба, причиненного конфликтом интересов [3].

Цель исследования состоит в разработке прикладной модели снижения экономических последствий коррупционных преступлений, в которой результативность государства оценивается не только количеством выявленных правонарушений и привлеченных к ответственности лиц, но также стоимостью предотвращенных потерь, объемом возмещенного ущерба, скоростью возврата активов и сокращением повторяющихся коррупционных рисков. Для достижения цели поставлены задачи: систематизировать каналы экономического ущерба; определить пригодные для практики показатели; оценить потенциал действующих инструментов профилактики; сформулировать предложения, которые могут быть адаптированы к итоговым выводам диссертационного исследования автора.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА

Экономическая теория коррупции исходит из того, что злоупотребление публичными полномочиями способно изменять стимулы хозяйствующих субъектов, структуру государственных расходов и распределение инвестиций. P. Mauro показал эмпирическую связь коррупции с инвестиционной активностью и экономическим ростом [8]. J. Svensson, обобщая эмпирические исследования, подчеркивал, что коррупция является результатом взаимодействия институтов, стимулов и возможностей для извлечения ренты, поэтому универсальная мера противодействия обычно уступает комбинации взаимодополняющих инструментов [9]. B. Olken и R. Pande систематизировали микроэкономические свидетельства о потерях от коррупции, механизмах контроля и трудностях точного измерения скрытых коррупционных практик [10].

Для целей настоящего исследования принципиально различать сумму неправомерной выгоды и общественный экономический ущерб. Первая характеризует частный доход участника коррупционной схемы, тогда как второй включает более широкий набор потерь. Например, при завышенной закупочной цене государственный ущерб не исчерпывается возможной взяткой: он может включать разницу между контрактной и конкурентной ценой, расходы на повторную закупку, стоимость задержки проекта, ухудшение качества объекта, судебные и контрольные издержки.

Аналогично незаконное предоставление лицензии или земельного ресурса может создавать потери вследствие упущенных бюджетных поступлений и вытеснения более эффективного участника рынка.

Международная нормативная рамка также ориентирует антикоррупционную политику на профилактику и восстановление имущественного положения. Конвенция ООН против коррупции сочетает меры предупреждения, криминализации, международного сотрудничества и возвращения активов [11]. Институциональная работа UNODC по возвращению активов охватывает, в частности, финансовое раскрытие, бенефициарную собственность и конфискацию доходов от преступлений. В рекомендациях ОЭСР по публичной добропорядочности и государственным закупкам акцент сделан на управлении рисками, прозрачности, подотчетности и контроле. Следовательно, экономическая оценка антикоррупционной политики должна учитывать не только репрессивный результат, но и предупрежденный ущерб.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование носит прикладной междисциплинарный характер и использует четыре взаимосвязанных метода. Во-первых, проведен нормативно-правовой анализ законодательства Республики Узбекистан о противодействии коррупции, государственных закупках и конфликте интересов. Во-вторых, применен сравнительно-институциональный подход для сопоставления национальных механизмов с принципами Конвенции ООН против коррупции и рекомендациями ОЭСР. В-третьих, выполнен аналитический обзор научных работ об экономических последствиях коррупции. В-четвертых, использован описательный анализ открытых административных показателей, опубликованных официальными органами Республики Узбекистан.

В работе сознательно не предпринимается попытка оценить общий «размер коррупции» в экономике страны. Скрытый характер коррупционных сделок, различия в методах учета и отсутствие единой базы для монетизации косвенных потерь делают такую оценку методологически уязвимой. Вместо этого предлагается case-based подход: экономические последствия должны рассчитываться по конкретному делу, проекту, закупке или рисковому процессу на основе документируемых компонентов ущерба. Такой подход позволяет связывать профилактическую работу с измеримым финансовым результатом без необоснованной экстраполяции отдельных случаев на всю экономику. Сложности измерения коррупции и адаптации поведения к антикоррупционным мерам подробно отмечаются и в современной экономической литературе.

ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ

Эмпирическая часть опирается на официальные открытые источники. Основной массив составляют акты национального законодательства в базе LexUZ, материалы официального веб-сайта Президента Республики Узбекистан о результатах комплаенс-контроля и планах цифровизации, а также международные правовые и методические документы. По официальным данным, опубликованным 10 декабря 2025 г., подразделения внутреннего контроля провели более 11 тыс. проверок, предотвратили неправомерное использование средств на 793 млрд сумов, выявили финансовые ошибки и нарушения почти на 2 трлн сумов и обеспечили возмещение 478 млрд сумов ущерба. Отдельно сообщалось, что внутренние антикоррупционные подразделения в ходе более 700 контрольных мероприятий выявили нарушения на 354 млрд сумов, предотвратили неправомерное использование около 550 млрд сумов и выявили 1 397 случаев конфликта интересов [5].

Эти показатели в статье рассматриваются как административные результаты контрольной деятельности, а не как оценка совокупного коррупционного ущерба. Категории могут частично пересекаться, методика их формирования в опубликованном сообщении не раскрыта, поэтому арифметическое суммирование показателей было бы некорректным. Их ценность состоит в другом: они демонстрируют возможность переводить часть антикоррупционной деятельности из категории «процессуальных действий» в измеримые показатели предотвращения и восстановления экономических ресурсов. Это осторожная интерпретация официально опубликованных отдельных категорий, а не утверждение об их статистической взаимной исключительности.

АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Предлагается рассматривать совокупный экономический ущерб коррупционного преступления как многокомпонентную величину:

$$D = D_1 + D_2 + D_3 + D_4 + D_5,$$

где D_1 – прямой имущественный или бюджетный ущерб; D_2 – потери доходов бюджета и государственных организаций; D_3 – дополнительные транзакционные и восстановительные расходы; D_4 – рыночные потери от ограничения конкуренции и неэффективного распределения ресурсов; D_5 – измеримые социально-экономические потери, непосредственно связанные с ухудшением качества или задержкой публичной услуги.

Формула является авторской аналитической конструкцией и предназначена не для автоматического судебного расчета, а для управленческой оценки последствий.

Наиболее надежно поддаются монетизации D_1–D_3, поскольку они могут подтверждаться бухгалтерскими документами, сравнением рыночных цен, данными контрактов, платежей и затрат на восстановление. D_4 и D_5 требуют осторожного применения эконометрических, сравнительных или экспертных методов. Поэтому в официальной практике целесообразно разграничивать «доказанный ущерб», «оценочный экономический ущерб» и «предотвращенный риск». Такое разграничение повышает сопоставимость данных и снижает риск двойного учета.

Особая зона риска – государственные закупки. Законодательство Узбекистана прямо устанавливает приоритет предупреждения коррупции, открытость и прозрачность закупочных процедур, добросовестную конкуренцию и внутренний контроль [2]. С экономической точки зрения профилактика на стадии подготовки технического задания, определения начальной цены, проверки аффилированности и оценки предложений зачастую выгоднее, чем последующее уголовное преследование после исполнения завышенного или некачественного контракта. Именно поэтому цифровая проверка аффилированности, ценовых аномалий и повторяемости победителей должна быть встроена в закупочный цикл до совершения платежа.

Второй канал связан с конфликтом интересов. Закон № ЗРУ-931 устанавливает обязанности и ограничения, направленные на предупреждение конфликта интересов, включая запрет извлечения личной выгоды путем злоупотребления служебным положением, правила раскрытия информации и институциональные полномочия по устранению последствий конфликтов [3]. Агентству также предоставлено полномочие контролировать достижение полного возмещения вреда интересам граждан, организаций, общества или государства, причиненного в результате конфликта интересов. Экономически это позволяет перейти от формального сбора деклараций к риск-ориентированной верификации: сведения о связанных лицах целесообразно сопоставлять с реестрами юридических лиц, закупок, лицензий, государственных активов и иных решений, создающих имущественную выгоду.

Третий канал – недостаточное восстановление утраченных ресурсов после выявления преступления. Уголовно-правовая реакция без эффективного возмещения ущерба оставляет часть экономического эффекта коррупции на стороне нарушителя или связанных лиц. Поэтому показатель «доля фактически возмещенного ущерба» должен сопровождаться показателями срока ареста активов, срока взыскания, доли возвращенных активов и стоимости процедур возврата. Международные механизмы UNODC в сфере asset recovery также

охватывают обнаружение, замораживание, конфискацию и возвращение преступных активов.

Четвертый канал – вторичные расходы бизнеса и граждан. Бюрократическое решение, искусственная задержка, коррупционная лицензия или дискриминационный доступ к ресурсу формируют платежи времени, юридические расходы и упущенные возможности. Официальные материалы 2025 г. указывают на необходимость смещения фокуса от последствий к причинам коррупции, усиления цифрового контроля и оценки государственных органов также по количеству предотвращенных случаев [4]. Такой подход экономически оправдан: снижение возможностей для коррупционной транзакции одновременно сокращает потенциальные издержки государства и частного сектора.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первый результат – разработан **«паспорт экономических последствий коррупционного дела»**. Его предлагается формировать с момента выявления факта, способного причинить существенный имущественный ущерб, и актуализировать до полного исполнения решений о взыскании. Паспорт должен включать: идентификатор дела или контрольного материала; вид актива или бюджетной операции; доказанный прямой ущерб; недополученные доходы; расходы на восстановление; оценочные косвенные потери с указанием методики; сумму арестованных активов; сумму фактически возмещенного ущерба; предотвращенный ущерб; сроки взыскания; сведения об ответственном органе. Публичная версия паспорта должна содержать агрегированные данные без раскрытия охраняемой законом информации.

Второй результат – предложен **коэффициент чистого экономического эффекта антикоррупционного контроля (КЧЭАК)**:

$$K = (P + R - C) / C,$$

где **P** – документированная стоимость предотвращенного ущерба, **R** – фактически возмещенный ущерб за отчетный период, **C** – прямые расходы на соответствующую контрольную функцию.

Показатель является авторским управленческим инструментом и не должен подменять оценку законности, прав человека и качества профилактики. Его назначение – сопоставлять экономическую отдачу отдельных профилактических мероприятий и выявлять процессы, где автоматизация либо изменение процедуры дает наибольший финансовый эффект.

Третий результат – предложена трехуровневая модель приоритизации рисков. На уровне «операция» анализируются конкретные закупки, разрешения, платежи и распоряжение активами. На уровне

«организация» оцениваются концентрация прямых договоров, повторяемость поставщиков, частота конфликтов интересов, жалоб и отмененных решений, а также доля восстановленного ущерба. На уровне «сектор» используются агрегированные показатели коррупционных рисков, уровня бюрократии, жалоб и цифровизации. Такой подход согласуется с официально обозначенными планами интеграции баз данных и создания центра анализа рисков для автоматического обнаружения коррупционных угроз и аффилированности в государственных закупках [5].

Таблица 1. Отдельные официально опубликованные результаты контрольной деятельности

Показатель	Значение	Интерпретация в исследовании
Проверки подразделений внутреннего контроля	более 11 000	масштаб контрольной активности
Предотвращено неправомерное использование средств	793 млрд сумов	пример измеримого ex ante эффекта
Выявлены финансовые ошибки и нарушения	почти 2 трлн сумов	не тождественно совокупному коррупционному ущербу
Возмещено ущерба	478 млрд сумов	пример восстановительного эффекта
Контрольные мероприятия антикоррупционных подразделений	более 700	отдельный массив контрольной активности
Предотвращено неправомерное использование	около 550 млрд сумов	не суммируется автоматически с 793 млрд
Выявлено конфликтов интересов	1 397 случаев	индикатор нефинансового коррупционного риска

Источник: составлено автором по официальным данным, опубликованным 10.12.2025 на веб-сайте Президента Республики Узбекистан [5].

ОБСУЖДЕНИЕ

Предложенная модель меняет логику оценки антикоррупционной политики: от преимущественного учета выявленных нарушений — к управлению экономическим риском на всем жизненном цикле коррупционного события. Такая логика особенно важна для закупок и распоряжения государственными активами, где после исполнения сделки возврат средств может быть существенно сложнее предотвращения сомнительного платежа. Вместе с тем денежные показатели не должны становиться единственным критерием эффективности. Контрольное подразделение может демонстрировать большой объем

«предотвращенных» сумм за счет завышенной исходной оценки риска; поэтому методика должна устанавливать единые доказательственные стандарты, внешний аудит выборки и запрет повторного учета одного и того же эффекта несколькими органами.

Официальные данные 2025 г. подтверждают практическую актуальность такой постановки задачи. Государственная политика ориентируется на цифровизацию комплаенс-контроля, межведомственную интеграцию данных, автоматическое выявление рисков в закупках и повышение роли профилактики [5]. В июле 2025 г. также было официально сообщено, что 75% коррупционных случаев относились к так называемой бытовой коррупции, преимущественно на городском и районном уровнях, и подчеркивалась необходимость оценивать деятельность органов по числу предотвращенных случаев, а не только по последствиям [4]. Это усиливает аргумент в пользу локальных риск-карт и измерения затрат граждан и бизнеса на взаимодействие с публичными сервисами.

При внедрении алгоритмического риск-скоринга необходимо учитывать ограничения. Автоматический сигнал должен служить основанием для дополнительной проверки, но не заменять правовую оценку и презумпцию невиновности. Модель риска должна быть документируемой, проверяемой на ошибки и дискриминационные эффекты, а доступ к персональным и коммерческим данным — разграниченным. Экономическая эффективность цифрового контроля возникает не из самого факта применения искусственного интеллекта, а из способности своевременно предотвращать конкретный ущерб при соблюдении законности.

Отдельного внимания требует компенсационный компонент. Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-1161 от 27 июля 2026 г. регулирует возмещение материального и морального вреда, причиненного незаконными решениями, действиями или бездействием государственных органов и должностных лиц; его вступление в силу предусмотрено на **28 января 2027 г.** [6]. Закон определяет материальный вред таким образом, что он включает реальные расходы/утрату имущества, а также недополученный доход. Хотя данный закон не является специальным актом о коррупционных преступлениях, закрепленные в нем категории реального ущерба и упущенной выгоды методологически подтверждают важность более полного учета экономических последствий незаконной публичной деятельности. В статье этот акт используется как перспективный элемент правовой среды, а не как уже действующее регулирование.

АВТОРСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Предложение 1. Закрепить ведомственный стандарт **«Паспорт экономических последствий коррупционного правонарушения»** для дел и контрольных материалов, связанных с бюджетными средствами, государственными активами, закупками, лицензированием и иными экономически значимыми решениями. Стандарт должен раздельно фиксировать доказанный ущерб, оценочный косвенный ущерб, предотвращенный ущерб и фактически возвращенные средства.

Предложение 2. Включить в KPI подразделений антикоррупционного и внутреннего контроля показатели не только количества проверок и выявленных нарушений, но и доли предотвращенного ущерба, коэффициента возмещения, среднего срока возврата активов и повторяемости аналогичного риска. Денежные KPI следует сопровождать независимой верификацией, чтобы исключить завышение «предотвращенного» эффекта. Такой подход концептуально согласуется с официальным акцентом на измерении предотвращенных случаев и финансового результата контроля.

Предложение 3. Создать межведомственный модуль риск-аналитики для автоматизированного сопоставления данных о государственных закупках, связанных лицах и конфликтах интересов, бенефициарном владении, лицензиях, земельных и кадастровых решениях, судебных актах и движении государственных активов. Сигналы системы должны ранжироваться по вероятности и потенциальной стоимости ущерба. Предложение развивает уже официально заявленную идею интеграции баз данных и Risk Analysis Center для обнаружения коррупционных угроз и аффилированности.

Предложение 4. Для государственных закупок ввести обязательную экономическую проверку высокорисковых контрактов до заключения или оплаты: анализ рыночного диапазона цен, аффилированности, концентрации победителей, дробления закупок, необычных изменений условий и отклонений от конкурентных процедур. Приоритет профилактики уже закреплен действующим законодательством о закупках [2], поэтому предложение развивает существующий принцип на уровне аналитической технологии.

Предложение 5. Связать реестр конфликтов интересов с финансово значимыми решениями конкретного сотрудника. Проверка должна отвечать не только на вопрос, подана ли декларация, но и на вопрос, возникла ли экономическая выгода у связанного лица. Такой подход превращает институт конфликта интересов из формального комплаенса в инструмент предупреждения имущественного ущерба [3]. Закон уже предусматривает формы раскрытия потенциального конфликта,

ограничения на извлечение личной выгоды и полномочия по устранению решений и сделок, затронутых конфликтом.

Предложение 6. Установить обязательный план возмещения ущерба и возврата активов по каждому завершенному коррупционному делу с существенным имущественным эффектом. План должен содержать сумму требований, найденные и арестованные активы, механизм взыскания, ответственный орган и контрольные сроки. Оценка работы должна основываться на фактически возвращенной стоимости, а не только на сумме заявленного ущерба.

Предложение 7. Развивать защищенные каналы для сообщений о коррупционных рисках, особенно в закупках и распоряжении активами, и использовать информацию заявителей как источник раннего предупреждения. Официально в декабре 2025 г. были представлены предложения о механизмах защитных ордеров и реальных стимулов для лиц, сообщающих о коррупции [5].

Предложение 8. Проводить ежегодную публичную оценку экономического эффекта антикоррупционной профилактики по единой методике: предотвращенные потери, возмещенный ущерб, стоимость контрольных мер, динамика повторных нарушений и отраслевые риски. Публикация агрегированных данных повысит сопоставимость работы органов и позволит направлять ресурсы в сферы, где предельный профилактический эффект выше.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экономические последствия коррупционных преступлений не сводятся к размеру взятки или сумме прямого бюджетного ущерба. Они включают недополученные доходы, дополнительные восстановительные и транзакционные расходы, потери от искажения конкуренции, снижение качества государственных услуг и иные измеримые вторичные эффекты. Поэтому эффективная антикоррупционная политика должна объединять уголовно-правовую реакцию с экономической диагностикой, предупреждением и восстановлением ресурсов.

Исследование показывает целесообразность перехода к case-based измерению ущерба с четким разделением доказанного, оценочного и предотвращенного экономического эффекта. Предложенные паспорт экономических последствий, коэффициент чистого экономического эффекта контроля и многоуровневая риск-аналитика создают основу для более объективной оценки профилактики. Их практическая ценность состоит в возможности ранжировать коррупционные риски не только по вероятности, но и по потенциальной стоимости для государства и общества.

Для Узбекистана данная модель согласуется с действующим курсом на приоритет профилактики в государственных закупках, регулирование конфликта интересов, цифровизацию комплаенс-контроля и интеграцию данных [1–5]. Действующее законодательство действительно ставит профилактику коррупции в центр закупочного регулирования, а официальные планы предусматривают интеграцию данных и автоматическое выявление рисков. Наиболее перспективным направлением является формирование единого контура **«риск — предотвращение — выявление — арест активов — возмещение — анализ причин»**, в котором каждое звено имеет измеримый результат. Реализация предложений способна уменьшить не только число коррупционных эпизодов, но прежде всего их совокупную экономическую цену.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Закон Республики Узбекистан от 03.01.2017 № ЗРУ-419 «О противодействии коррупции» (в действующей редакции). Национальная база данных законодательства LexUZ. Дата обращения: 03.10.2026. Текущая редакция, включая изменения 2026 г., подтверждается официальной базой.
2. Закон Республики Узбекистан от 22.04.2021 № ЗРУ-684 «О государственных закупках». Национальная база данных законодательства LexUZ. Дата обращения: 03.10.2026.
3. Закон Республики Узбекистан от 05.06.2024 № ЗРУ-931 «О конфликте интересов». Национальная база данных законодательства LexUZ. Дата обращения: 03.10.2026.
4. *Measures on combating corruption discussed* // Official website of the President of the Republic of Uzbekistan. 29.07.2025.
5. *Issues related to combating corruption and economic crimes and improving compliance control discussed* // Official website of the President of the Republic of Uzbekistan. 10.12.2025.
6. Закон Республики Узбекистан от 27.07.2026 № ЗРУ-1161 «О возмещении вреда, причиненного незаконным решением, действием либо бездействием государственного органа или его должностного лица». LexUZ. Дата обращения: 03.10.2026. Вступление в силу — 28.01.2027.
7. Rose-Ackerman S., Palifka B. J. *Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
8. Mauro P. Corruption and Growth // *The Quarterly Journal of Economics*. 1995. Vol. 110, No. 3. P. 681–712. DOI: 10.2307/2946696.

9. Svensson J. Eight Questions about Corruption // *Journal of Economic Perspectives*. 2005. Vol. 19, No. 3. P. 19–42. DOI: 10.1257/089533005774357860.
10. Olken B. A., Pande R. Corruption in Developing Countries // *Annual Review of Economics*. 2012. Vol. 4. P. 479–509. DOI: 10.1146/annurev-economics-080511-110917. The publisher's record confirms the authors, volume, pages and DOI.
11. United Nations. *United Nations Convention against Corruption*. New York, 2003. UNODC's asset-recovery framework provides the corresponding institutional implementation context.
12. OECD. *Recommendation of the Council on Public Integrity*. OECD/LEGAL/0435. Paris: OECD, 2017.
13. OECD. *Recommendation of the Council on Public Procurement*. OECD/LEGAL/0411. Paris: OECD, 2015.
14. Stolen Asset Recovery Initiative (StAR). *Asset Recovery Handbook: A Guide for Practitioners*. 2nd ed. Washington, DC: World Bank; UNODC, 2021.